

Глава VI. ЭПОХА ЧЕТВЕРТАЯ. МОНОПОЛИЯ

- Вступление
- § I. Необходимость монополии
- § II. Катастрофы в труде и извращения идей, вызванные монополией

Вступление

Монополия, торговля, эксплуатация или исключительное пользование вещью.

Монополия является естественной противоположностью конкуренции. Этому простого наблюдения достаточно, чтобы, как мы заметили, разрушить утопии, чья мысль заключается в отмене конкуренции, как если бы она имела противоположность ассоциации и братства. Конкуренция — это жизненная сила, которая движет коллективным существом: уничтожить ее, если можно было бы такое предположить, означало бы убить общество.

Но в виду того, что конкуренция необходима, она подразумевает идею монополии, поскольку монополия подобна месту каждой конкурентной составляющей. Экономисты также продемонстрировали, и г-н Росси официально признал это, что монополия является формой общественного владения, за границами которой нет труда, нет продукта, нет обмена, нет богатства. Все владение землей является монополией; каждая промышленная утопия стремится к созданию монополии, и то же самое следует сказать о других функциях, не включенных в эти две категории.

Таким образом, монополия сама по себе не подразумевает идею несправедливости; более того, в ней есть нечто, что, будучи как общественным, так и человеческим, узаконивает ее: это положительная сторона принципа, который мы собираемся рассмотреть.

Но монополия, как и конкуренция, становится антиобщественной и катастрофической: как это? — Посредством *злоупотреблений*, отвечают экономисты. И именно для определения и пресечения злоупотреблений монополии применяются магистраты; для того, чтобы осудить это, новая школа экономистов стремится к славе.

Мы покажем, что так называемые злоупотребления монополией являются лишь следствием развития, в отрицательном смысле, легальной монополии; что они не могут быть отделены от своего принципа без разрушения этого принципа; следовательно, они недоступны для закона, и любая репрессия в этом отношении является произвольной и несправедливой. В виду того, что монополия, — основополагающий принцип общества и условие богатства, является в то же время и в той же степени принципом ограбления и пауперизма; что чем больше пользы она производит, тем больше плохого от нее происходит; что без нее прогресс останавливается, а с ней труд обездвигивается и цивилизация исчезает.

§ I. Необходимость МОНОПОЛИИ

Таким образом, монополия — это роковой термин конкуренции, порожденный ее непрерывным отрицанием самой себя: эта генерация (возникновение) монополии уже является оправданием. Потому что, поскольку конкуренция присуща обществу так же, как движение живым существам, монополия, которая следует за ней, которая является ее целью и концом, и без которой конкуренция не была бы принята, монополия есть и будет оставаться законной так долго, пока будет существовать конкуренция, так же долго, как механические процессы и промышленные комбинации, так долго, наконец, как долго разделение труда и образование стоимости будут оставаться необходимыми и законными.

Следовательно, одним лишь фактом логической генерации монополия оправдана. Однако это оправдание может показаться незначительным и приведет лишь к более энергичному отказу от конкуренции, если монополия, в свою очередь, не сможет возникнуть сама по себе и в качестве принципа.

В предыдущих главах мы видели, что разделение труда — это спецификация работника, рассматриваемая прежде всего как продукт интеллекта; что создание машин и организация цеха выражают его свободу: и что через конкуренцию человек или разумная свобода вступают в действие. Значит, монополия является выражением победоносной свободы, ценой борьбы, прославлением гения; это самый сильный стимулятор всего прогресса, достигнутого с начала мира, до такой степени, что, как мы говорили ранее, общество, которое не может существовать вместе с ней, не было бы создано без нее.

Откуда же тогда возникает в монополии эта исключительная добродетель, из-за которой этимология слова и вульгарный аспект вещи так далеки от того, чтобы дать нам идею?

Монополия по сути — это самодержавие человека над самим собой: это диктаторское право, предоставленное природой любому производителю, — использовать свои способности по своему усмотрению, способствовать расцвету его мысли в любом направлении, которое он предпочитает, теоретизировать по такой специальности, какая ему нравится, всеми возможными средствами, независимо распоряжаться инструментами, которые он создал, и капиталом, накопленным его сбережениями, для такого предприятия, которое, как он считает, сможет избежать рисков, и при условии единоличного наслаждения плодами открытий и прибылью предприятия.

Это право настолько сильно выражает сущность свободы, что отрицание этого наносит увечья человеку в его теле, в его душе и в использовании его способностей, и что общество, которое развивается только благодаря свободному развитию индивидуумов, если оно

мешает первопроходцам, приходит к остановке на пути своего развития.

Пришло время посредством фактов сформировать тело для всех этих идей.

Я знаю местечко, где с незапамятных времен не было дорог ни для расчистки земель, ни для внешних коммуникаций. В течение трех четвертей года любой импорт или экспорт товаров был невозможен; барьер из грязи и болот защищал как от любого пришествия извне, так и от любой вылазки наружу жителей священной деревни. Шести лошадей в хорошую погоду едва хватало, чтобы исполнять нагрузку одной клячи, идущей шагом по нормальной дороге. Мэр этого места решил, несмотря на совет жителей, проложить путь по его территории. Долгое время над ним издевались, его проклинали, ненавидели. Мы еще должны учесть до окончания его пути: что заставляло его потратить деньги коммуны, время фермеров на благоустройство, перевозки и прочее? Это для удовлетворения своей гордости г-н мэр хотел за счет бедных фермеров открыть такой красивый проспект для друзей местечка, которые приедут в гости!... Несмотря на все, дорога была проложена, и крестьяне аплодировали! Какое отличие! — говорили они: раньше мы брали восемь лошадей, чтобы отвезти тридцать мешков на рынок, и мы оставались на три дня; теперь мы уезжаем утром на двух лошадях, а вечером возвращаемся. — Но во всех этих речах отсутствовало упоминание мэра. Поскольку это событие доказало его правоту, о нем перестали говорить: я даже уверен, что большинство из них были против него.

Этот мэр вел себя, как Аристид [181]. Предположим, что, устав от абсурдных выкриков, он должен был бы по принципу, предложенному его гражданами, соорудить дорогу за свой счет при условии, что ему бы потом выплачивали в течение пятидесяти лет дорожную пошлину, причем каждый, как в прошлом, продолжал бы пользоваться правом ездить по полям: в чем бы эта сделка была мошеннической?

Вот история общества и монополистов.

Не каждый может подарить своим согражданам дорогу или машину: как правило, изобретатель, исчерпав свое здоровье и добро, ждет награды. Откажитесь, еще и высмеивая их, от Аркрайта [182], Ватта [183], Жаккара [184], от преимуществ их открытий; они закроются для работы и, возможно, унесут свои секреты в могилу. Откажите поселенцам во владении землей, которую они расчищают, и никто не расчистит ее.

Но, говорят, разве это настоящий закон, общественный закон, братский закон? То, что прощается примитивному сообществу, в силу необходимости является лишь временным и должно исчезнуть перед более полным пониманием прав и обязанностей человека и общества.

Я не уклоняюсь от какой-либо гипотезы: посмотрим, углубимся. Это уже большое достижение, что с момента признания противников в первый период цивилизации все не могло происходить иначе. Остается узнать, действительно ли учреждения этого периода, как говорили, являются лишь временными, или же они являются результатом законов, присущих обществу, и вечными. Значит, тезис, который я поддерживаю в данный момент, тем более сложен, что он прямо противоположен общей тенденции, и что сейчас мне

придется самому его опровергнуть его же противоречием.

Поэтому я молюсь, чтобы кто-нибудь сказал мне, как можно апеллировать к принципам общительности, братства и солидарности, когда само общество отвергает любые солидарность и братские соглашения? От начала каждой отрасли, на первом проблеске открытия, человек, который изобретает, изолирован; общество отказывается от него и остается позади. Проще говоря, этот человек в отношении к идее, которую он задумал и которую он преследует, становится для нее единственным обществом в целом. У него больше нет партнеров, нет сотрудников, нет поручителей; все спасаются от него: ему одному остается ответственность, ему одному остаются, следовательно, выгоды от теорий.

Настаиваем: это слепота со стороны общества, отказ от его самых священных прав и интересов, благополучия будущих поколений; а спекулянт, лучше информированный или более удачливый, не может без нелояльности воспользоваться монополией, которую предоставляет ему всеобщее невежество.

Я утверждаю, что такое поведение общества на сегодня является актом высокого благоразумия; а что касается будущего, я покажу, что оно не проиграет. Я уже показал, гл. 2, путем решения антиномии ценности, что преимущество любого полезного открытия несравненно меньше для изобретателя, чем бы он ни занимался, чем для общества; я произвел демонстрацию по этому вопросу с математической точностью. Позже я покажу еще, что в дополнение к прибыли, которая гарантируется ему при любом открытии, общество использует, исходя из привилегий, которые оно предоставляет, временно или навсегда, репетиции нескольких видов, которые в значительной степени покрывают избыток определенных частных состояний, чей эффект быстро возвращает баланс. Но не будем предвосхищать.

Итак, я замечаю, что общественная жизнь проявляется двумя способами: *сохранением и развитием*.

Развитие происходит через расцвет индивидуальных энергий; масса по своей природе бесплодна, пассивна и невосприимчива к любой новизне. Это, если я осмелюсь использовать это сравнение, матрица, стерильная сама по себе, но в которой высаживаются ростки, созданные частной деятельностью, которая в гермафродитном обществе на самом деле исполняет функцию мужского органа.

Но общество сохраняется только до тех пор, пока оно ускользает от солидарности конкретных спекуляций, и оставляет абсолютно все инновации на риск и опасность отдельных личностей. Можно на нескольких страницах перечислить полезные изобретения. Количество успешных компаний можно подсчитать: нет цифр, которые выражали бы множество заблуждений и безрассудных опытов, которые постоянно появляются в человеческих головах. Нет изобретателя, нет работника, который бы в здравом уме не породил тысячи химер; нет интеллекта, который бы посредством вспышек разума не выбрасывал вихрей дыма. Если бы было возможно сделать две части из всех продуктов человеческого разума и поставить с одной стороны полезные работы, с другой — все ошибки, на которые были потрачены силы, разум, капитал и время, можно было бы с ужасом

увидеть, что вторая часть превышает первую, возможно, на миллиард процентов. Что будет с обществом, если оно должно будет оплатить этот пассив и урегулировать все эти банкротства? Что, в свою очередь, стало бы с ответственностью и достоинством рабочего, если бы он, прикрываясь социальной гарантией, мог без риска для себя предаваться всем прихотям бредового воображения и играть в любой момент существованием человечества?

Исходя из всего этого, я делаю вывод, что то, что практиковалось с самого начала, будет практиковаться до конца, и что в этом вопросе, как и в любом другом, если мы стремимся к примирению, абсурдно думать, что нечто из существующего может быть отменено. Поскольку мир идей бесконечен, как природа, а люди подвержены домыслам, то есть ошибкам, сегодня, как никогда, для индивидуумов существует постоянное устремление спекулировать, а для общества — причина, чтобы остерегаться и быть осторожным, поэтому всегда возникает материя монополии.

Что мы предлагаем, чтобы выйти из этой дилеммы? Выкуп? Во-первых, выкуп невозможен: все ценные бумаги монополизированы, и где общество будет брать то, что компенсирует монополистов? каким будет его залог? С другой стороны, поглощение было бы совершенно бесполезным: когда все монополии будут выкуплены, останется организовать промышленность; где же тут система? На чем основано мнение? Какие проблемы были решены? Если организация иерархического типа, мы возвращаемся в режим монополии; если демократического типа, мы возвращаемся к исходной точке; выкупленные отрасли промышленности попадут в общественное достояние, то есть в конкуренцию, и постепенно снова станут монополиями; — наконец, если организация коммунистического типа, мы лишь перейдем от одной невозможности к другой; ибо в этом случае, как мы покажем в свое время, сообщество, так же, как конкуренция и монополия, является противоречивым, невозможным.

Чтобы не использовать общественное достояние в условиях неограниченной солидарности, а следовательно, и фатально, будем ли мы вынуждены навязывать правила духу изобретательности и предприимчивости? Создавать цензуру для гениальных людей и сумасшедших? это предполагать, что общество заранее знает, что именно является вопросом открытия. Подчинять проекты предпринимателей предварительной экспертизе — значит *априори* запрещать любое движение. Потому что, опять же, относительно цели, которую он намечает, есть момент, когда каждый промышленник представляет в своем лице само общество, видит лучше и дальше, чем все остальные люди, вместе взятые, и очень часто без возможности объясниться и быть понятым. Когда предшественники Ньютона Коперник, Кеплер и Галилей обратились к христианскому обществу, будучи представленными церковью: Библия была неправа; земля вращается, а солнце неподвижно; они были правы против общества, которое одновременно чувством веры и традиций их отвергало. Могло ли общество согласиться с солидарностью системы Коперника? Оно могло это в такой малой степени, в какой эта система открыто противоречила его вере, и в какой Галилей, один из сознательных изобретателей, ожидая согласия разума и откровения, подвергся пыткам в доказательство новой идеи. Я полагаю, мы более терпимы; но именно эта терпимость доказывает, что, предоставляя больше свободы гению, мы не собираемся быть менее осторожными, чем наши предки. Патенты на изобретения сыплются, но без *государственных гарантий*. Права собственности помещены на попечение граждан; но ни

кадастр, ни договор не гарантируют стоимости: стоимость выяснится в ходе работы. А что касается научных и других задач, которые правительство наудачу поручает исследователям без денег, то это грабеж и коррупция.

На самом деле общество не может гарантировать кому-либо капитал, необходимый для экспериментов с идеей; по закону оно не может требовать результата предприятия, на которое оно не подписано: поэтому монополия неразрушима. Кроме того, солидарность была бы бесполезна: поскольку если каждый может требовать всеобщей солидарности в пользу своих фантазий и иметь право на получение незаполненного чека правительства, мы скоро придем к универсальному произволу, то есть, откровенно и просто говоря, к *статус-кво*.

Некоторые социалисты, воодушевленные, к сожалению, я заявляю об этом со всей ответственностью, евангельскими абстракциями, считали, что преодолевают трудность с помощью этих прекрасных изречений: — Неравенство способностей является доказательством неравенства обязанностей; — Вы получили больше от природы, дайте больше своим братьям, — и другие звонкие и трогательные предложения, которые никогда не упускают своего влияния на пустые умы, но, тем не менее, являются всем, что можно представить самым невинным. Практическая формула, которая выходит из этих замечательных высказываний, состоит в том, что каждый работник должен все свое время обществу, и что общество должно дать ему взамен все, что необходимо для удовлетворения его потребностей, в меру ресурсов, которыми оно располагает.

Пусть мои друзья-коммунисты простят меня! Я был бы менее суров к их идеям, если бы не был непобедимо убежден в своем разуме и в своем сердце, что сообщество, республиканизм и все социальные, политические и религиозные утопии, которые пренебрегают фактами и критикой, являются самым большим препятствием на пути прогресса в настоящее время. Как можно не понимать, что братство может быть установлено только справедливостью; что только справедливость, условие, средство и закон свободы и братства должны быть объектом нашего исследования, и что мы должны неустанно добиваться, вплоть до мельчайших деталей, определения и формулы? Как авторы, знакомые с экономическим языком, забывают, что превосходство талантов является синонимом превосходства потребностей, и что не стоит ожидать от мощных личностей чего-то большего, чем вульгарность, общество должно постоянно следить за тем, чтобы они не получали больше, чем они отдают, когда у масс уже так много проблем с возмещением всего, что они получают? Несмотря на то, что каждый крутится, как хочет, всегда нужно сверяться с кассовой книгой, со счетом доходов и расходов, единственной гарантией как от крупных потребителей, так и от мелких производителей. Рабочий постоянно *опережает* свое производство; он всегда стремится к тому, чтобы брать *кредиты*, сокращать *долги* и терпеть *разорение*; ему постоянно нужно напоминать афоризм Сэя о том, что *продукты можно покупать только вместе с продуктами*.

Предположить, что работник с высокой производительностью может удовлетворяться в пользу малых половиной своей зарплаты, бесплатно предоставлять свои услуги и, как говорят в народе, *работать на короля Пруссии*, то есть для этой абстракции, которая называется обществом, сувереном или моими собратьями: это полагание общества на

чувство, я не говорю, что недоступное для человека, но которое, систематически возводимое в принцип, является лишь ложной добродетелью, опасным лицемерием. Благотворительность предписывается нам как возмещение за немощи, которые случайно поражают нас подобных, и я понимаю, что с этой точки зрения благотворительность может быть организована; я понимаю, что, исходя из самой солидарности, она становится справедливостью. Но благотворительность, взятая в качестве инструмента равенства и закона равновесия, была бы распадом общества. Равенство между людьми достигается строгим и негибким законом труда, пропорциональностью стоимостей, искренностью обменов и эквивалентностью функций; одним словом, математическим решением всех антагонизмов.

Вот почему благотворительность, первая добродетель христианина, законная надежда социалиста, цель всех усилий экономиста, становится социальным пороком, как только она становится принципом организации и закона; вот почему некоторые экономисты могли сказать, что легальная благотворительность причинила больше вреда обществу, чем узурпация собственности. Человек, как и общество, частью которого он является, находится с самим собой в вечном текущем счете; все, что он потребляет, он должен производить. Это общее правило, без которого никто не может обойтись без того, чтобы его, *ipso facto* (в силу факта) не оскорбляли и не подозревали в мошенничестве. Действительно странная идея — устанавливать под предлогом братства относительную неполноценность большинства людей! После этого прекрасного заявления останется только получить последствия; и скоро, благодаря братству, аристократия вернется.

Удвойте нормальную заработную плату рабочего, и вы пригласите его к лени, вы унизите его достоинство и деморализуете его совесть; — отнимите законную цену его усилий, и вы пробудите его гнев или превознесете его гордость. В любом случае вы нарушаете его братские чувства. Напротив, доведите условие труда до удовольствия, единственного способа, который природа обеспечивает для объединения людей, делающий их добрыми и счастливыми; вы вернетесь к закону экономического распределения, гласящему, что *продукты покупаются с продуктами*. Коммунизм, я часто говорил об этом, является самым отрицанием общества в его основе, которое является прогрессивной эквивалентностью верований и способностей. Коммунисты, к которым склоняется весь социализм, не верят в равенство природы и образования; они заменяют это державными указами, но, что бы они ни делали, неосуществимыми. Вместо того, чтобы искать справедливость в соотношении фактов, они берут ее в своей чувственности; называя справедливостью все, что им кажется любовью к ближнему, и постоянно путая разум с чувствами.

Зачем тогда постоянно вмешиваться в вопросы экономики, братства, благотворительности, преданности и Бога? Не будет ли утопистам легче высказываться об этих громких словах, чем всерьез изучать социальные проявления?

Братство! Братья, если хотите, при условии, что я старший брат, а вы — младший; при условии, что общество, наша общая мать, уважает мое первородство и мои услуги, удваивая мою долю. — Вы будете удовлетворять мои потребности, говорите вы, в пределах ваших возможностей. Я ожидаю, напротив, что это будет адекватно моему труду; в противном случае я прекращаю работать.

Благотворительность! Я отрицаю благотворительность, это из области мистицизма. Напрасно вы говорите мне о братстве и любви: я по-прежнему убежден, что вы меня едва ли любите, и я очень хорошо чувствую, что не люблю вас. Ваша дружба — лишь притворство, и если вы меня любите, то только из интереса. Я требую то, что мне причитается, только то, что причитается: почему вы мне отказываете?

Преданность! Я отрицаю преданность, это из области мистицизма. Поговорите со мной о том, что *должно быть*, и что *есть*, единственной критерии в моих глазах справедливости и несправедливости, добра и зла в обществе. Каждому по делам его, это во-первых: и если при случае меня приучают помогать вам, я буду делать это с добротой; но я не хочу быть принужденным. Принуждать меня к преданности — это убивать меня!

Бог! Я не знаю Бога, это все тоже из области мистицизма. Начните с удаления этого слова из ваших речей, если вы хотите, чтобы я вас слушал: ибо за три тысячи лет опыта я понял, что если кто-то говорит со мной о Боге, то он посягает на мою свободу или мой кошелек. Сколько вы мне должны? сколько я вам должен? вот моя религия и мой Бог.

Монополия существует природой и человеком: ее источник одновременно как в глубине нашего сознания, так и во внешнем факте нашей индивидуализации. Так же, как в нашем теле и нашем разуме, все является специальностью и собственностью; так же наш труд происходит с чистым и специфическим характером, который составляет его качество и стоимость. И поскольку труд не может проявиться без материи или объекта осуществления, человеку обязательно требуется это, монополия устанавливается от субъекта к объекту так же неумолимо, как продолжительность образуется из прошлого в будущее. Пчелы, муравьи и другие общественные животные кажутся индивидуально одаренными только в автоматизме; душа и инстинкт у них почти исключительно коллективные. Вот почему среди этих животных не может быть места для привилегий и монополии; вот почему в своих операциях, даже самых продуманных, они не советуются и не обдумывают. Но если человечество индивидуализировано в своем множестве, человек неизбежно становится монополистом, к тому же, не будучи монополистом, он — ничто; и общественная проблема состоит в том, чтобы знать не как отменить, а как примирить все монополии.

Наиболее значительными и непосредственными последствиями монополии являются:

1) В политическом порядке классификация человечества на семьи, племена, города, нации, государства: это элементарное разделение человечества на группы и подгруппы рабочих, отличающихся своими расами, языками, обычаями и климатом. Именно благодаря монополии человеческий род овладел земным шаром, так же, как благодаря ассоциации он станет полностью независимым.

Политическое и гражданское право, задуманное всеми без исключения законодателями и сформулированное правоведами, порожденное этой патриотической и национальной организацией обществ, образует в ряду социальных противоречий первое и обширное ответвление, изучение которого само по себе потребовало бы в четыре раза больше времени, чем мы можем выделить на вопрос промышленной экономики, поставленный Академией.

2) В экономическом порядке монополия способствует повышению благосостояния, в первую очередь увеличивая общее благосостояние за счет совершенствования средств; затем КАПИТАЛИЗИРУЯ, что означает консолидацию завоеваний труда, полученных путем разделения, машин и конкуренции. Из этого эффекта монополии возникла экономическая фикция, согласно которой капиталист рассматривается как производитель, а капитал — как агент производства; затем, как следствие этого вымысла, — теория *чистой прибыли* и *валовой прибыли*.

В связи с этим мы должны представить некоторые соображения. Сначала процитируем Ж.-Б. Сэя.

«Произведенная стоимость — это *валовая прибыль*, эта стоимость после вычета издержек производства является *чистой прибылью*».

Если рассматривать нацию в массе, у нее нет чистой прибыли; поскольку продукты располагают только стоимостью производства, то когда вычитают эти затраты, вычитают всю стоимость

Благотворительность, первая добродетель христианина, законная надежда социалиста, цель всех усилий экономиста, становится социальным пороком, как только она становится принципом организации и закона продуктов [185]. Поэтому национальное производство, ежегодное производство всегда следует понимать как валовое производство.

Годовой доход — это валовый доход.

Чистое производство может быть понято тогда, когда речь идет об интересах одного производителя отдельно от интересов других производителей. Предприниматель получает *прибыль* от *произведенной* стоимости за вычетом *потребительской* стоимости. Но то, что для него является *потребительской* стоимостью, такой, как покупка производственной услуги, для автора услуги является частью дохода» (*Политэкономический договор*, аналитическая таблица).

Эти определения безупречны. К сожалению, Ж.-Б. Сэй не почувствовал всей значимости этого и не мог предвидеть, что однажды его непосредственный преемник в колледже Франции атакует их. Г-н Росси стремился опровергнуть положение Ж.-Б. Сэя о том, что *для нации чистая прибыль — то же самое, что валовая прибыль*, исходя из того, что нации, так же, как предприниматели, ничего не производят без авансов (задатков), и что если формула Ж.-Б. Сэя верна, то аксиома *ex nihilo nihil fit* (из ничего ничто не происходит) больше не существует.

Значит, это именно то, что происходит. Человечество, как и Бог, производит все из ничего, *ex nihilo hilum* (из ничего нечто), так же, как оно само является продуктом из ничего, так же, как его мысль исходит из ничего; и г-н Росси не допустил бы такого недоразумения, если бы он не перепутал, вместе с физиократами, продукты индустриального царства с продуктами животного, растительного и минерального царств. Политическая экономия начинается с труда; развивается через труд; и все, что не исходит от работы, попадает в чистую пользу,

то есть в категорию вещей, подверженных действию человека, но еще не обретших способности к обмену посредством труда, радикально отчужденных от политической экономии. Сама монополия, несмотря на ее появление под воздействием коллективной воли, ничего не меняет в этих отношениях, поскольку и в соответствии с историей, и в соответствии с письменным законом, и в соответствии с экономической теорией монополия существует или должна существовать только после вложенного труда.

Таким образом, доктрина Сэя недостижима. По отношению к предпринимателю, чья деятельность всегда связана с другими производителями, сотрудничающими с ним, прибыль — это то, что остается от произведенной стоимости после вычета стоимостей потребления, среди которых следует выделять зарплату предпринимателя, другими словами, его жалование. По отношению к обществу, которое содержит все возможные специальности, чистая прибыль идентична валовой прибыли.

Но есть пункт, объяснение которого я тщетно искал у Сэя и других экономистов, а именно — как устанавливается реальность и законность чистой прибыли. Поскольку ощутимо, что для того, чтобы заставить исчезнуть чистую прибыль, было бы достаточно увеличить заработную плату рабочих и уровень стоимостей потребления, оставив прежней цену продаж. Поскольку ничто, кажется, не может отличить чистую прибыль от вычета, произведенного из зарплат, или, что то же самое, от изъятия с потребителя, чистая прибыль выглядит как вымогательство, предпринятое с помощью силы и без малейшего проявления права.

Эта трудность была ранее решена в нашей теории пропорциональности стоимостей.

Согласно этой теории, любой эксплуататор машины, идеи или капитала должен рассматриваться как человек, который при равных затратах увеличивает сумму определенного вида продукции и, следовательно, увеличивает общественное благосостояние за счет экономии времени. Принцип легитимности чистого продукта заключается, таким образом, в способах, которые ранее использовались: если новая комбинация будет успешной, возникнет избыток стоимостей и, следовательно, прибыль, это чистая прибыль; если предприятие будет базироваться на ложной основе, возникнет дефицит валового продукта, а также долгий путь разрушения и банкротства. В том же случае, и это наиболее часто происходит, когда не существует никаких инноваций со стороны предпринимателя, кроме тех, которые обеспечивают успех промышленности в целом, правило чистой прибыли остается в силе. Тем не менее, из того, что в соответствии с природой монополии любое предприятие должно оставаться для предпринимателя под угрозой и опасностями, следует, что чистая прибыль принадлежит ему под самым священным среди людей названием — труда и ума (интеллекта). Излишне напоминать, что чистая прибыль часто преувеличивается либо путем мошеннического сокращения заработной платы, либо любым другим способом. Это злоупотребления, которые исходят не из принципа, а из человеческой жадности и которые остаются вне сферы теории. Кроме того, я показал, рассматривая образование стоимости, гл. II, § 2: 1. как чистая прибыль никогда не может превышать разницу, которая является результатом неравенства средств производства; 2. как прибыль, получаемая обществом от каждого нового изобретения, оказывается несравнимо большей, чем прибыль предпринимателя. Я не буду возвращаться к

этим вопросам, которые к настоящему времени уже исчерпаны: я лишь отмечу, что благодаря промышленному прогрессу чистая прибыль имеет постоянную тенденцию к снижению для промышленника, в то время как, с другой стороны, благосостояние увеличивается, так же, как концентрические слои, составляющие ствол дерева, становятся тоньше по мере роста дерева и по мере удаления от центра.

Наряду с чистой прибылью, естественным вознаграждением рабочего, я сообщал, как об одном из счастливейших последствий монополии, о *капитализации* стоимостей, из которой рождается другой вид прибыли, а именно *проценты* или аренда капитала. — Что касается *ренды*, при том, что ее часто путают с процентами; хотя, грубо говоря, это суммируется, так же, как прибыль и проценты, в общем выражении ДОХОД,— это нечто иное, чем проценты; она возникает не из монополии, а из собственности; она связана с особой теорией, и мы будем говорить о ней в свое время. Что же это за реальность, известная всем народам, и все же до сих пор так плохо определенная, которая называется процентом или ценой займа, и которая порождает фикцию производительности капитала?

Всем известно, что предприниматель, когда он учитывает свои производственные затраты, обычно делит их на три категории:

- 1) Стоимости потребления и оплаченные услуги;
- 2) его личное жалование;
- 3) амортизация и проценты по капиталу.

Именно из этой последней категории расходов родилось различие между предпринимателем и капиталистом, хотя эти два названия попрежнему выражают только одну и ту же способность — монополию.

Таким образом, промышленное предприятие, которое дает только проценты по капиталу и ничего для чистой прибыли, является ничтожным предприятием, которое приводит только к преобразованию своих стоимостей, не добавляя ничего к богатству; наконец, предприятие, у которого нет оснований для существования и которое покинуто в первый же день. Как же тогда получается, что этот процент по капиталу не рассматривается как достаточное дополнение к чистой прибыли? Как он сам не является чистой прибылью?

В этом заключен новый изъян философии экономистов. Чтобы защитить ростовщичество, они утверждали, что капитал продуктивен, и они превратили метафору в реальность. Социалисты антисобственники не утруждали себя ниспровержением их софизмов; и в результате этой полемики возник такой ущерб теории капитала, что сегодня в сознании народа *капиталист* и *бездельник* являются синонимами. Разумеется, я не собираюсь здесь отказываться от того, что я сам поддерживал вместе со многими другими, или реабилитировать класс граждан, которые так странно игнорируют свои обязанности: но интересы науки и самого пролетариата вынуждают меня дополнять мои первые утверждения и поддерживать истинные принципы.

- 1) Всякое производство осуществляется с целью потребления, то есть пользования. В обществе слова, соотносимые с производством и потреблением, так же, как и слова чистая

прибыль и валовая прибыль, обозначают совершенно идентичную вещь. Поэтому, если после того, как рабочий произвел чистую прибыль, он, вместо того, чтобы использовать ее для повышения своего благосостояния, ограничился своей заработной платой и применил излишек, который ему выпадает в новом производстве, как и многие люди, которые зарабатывают только для того, чтобы покупать, производство будет расти бесконечно, в то время как благосостояние и, с точки зрения общества, население будут оставаться в *status quo* (в существующем положении вещей). Значит, процент капитала, привлеченного промышленным предприятием, и который был сформирован постепенно путем накопления чистой прибыли, этот процент — как сделка между необходимостью увеличения, с одной стороны, производства, и, с другой стороны, благосостоянием; это способ воспроизводить и потреблять в то же время чистую прибыль. Вот почему некоторые промышленные компании платят своим акционерам дивиденды еще до того, как компания заплатит что-либо. Жизнь коротка, успех приходит на короткое время; с одной стороны, труд приказывает, с другой — человек хочет наслаждаться. Для выполнения всех этих требований чистая прибыль будет возвращена в производство; но между тем (*inter-ea, inter-esse*), то есть в ожидании нового продукта, капиталист будет наслаждаться.

Таким образом, поскольку показатель чистой прибыли отмечает прогресс богатства; процент по капиталу, без которого чистая прибыль была бы бесполезна и даже не существовала бы, свидетельствует о прогрессе благосостояния. Какая бы форма правления ни была установлена среди людей, независимо от того, живут ли они в условиях монополии или сообщества, открыт ли счет каждому работнику с помощью кредита и дебета, или что сообщество распределяет для него труд и удовольствие, закон, который мы только что выпустили, всегда будет выполняться. Подсчеты наших процентов свидетельствуют именно об этом.

2) Стоимости, создаваемые чистой прибылью, входят в сбережения и капитализируются там в наиболее выгодной для обмена форме, наименее подверженной амортизации и наиболее свободной, одним словом, в денежной форме, единственной образованной стоимости. Поскольку этот капитал, каким бы свободным он ни был, стремится принять форму машин, зданий и т. д.; он все еще будет способен к обмену, но гораздо более, чем раньше, подвержен колебаниям спроса и предложения. После того, как он будет принят к использованию, ему будет трудно *освободиться*; и единственным ресурсом владельца будет его эксплуатация. Только эксплуатация может сохранять для капитала его номинальную стоимость; возможно, она увеличит его, возможно, уменьшит. Капитал, преобразованный таким образом, выглядит так, как если бы он был подвергнут опасности в морском предприятии: проценты — это страховая премия капитала. И эта премия будет более или менее высокой, в зависимости от обилия или нехватки капитала.

Позже еще будут различать страховую премию от процентов капитала, и в результате этого раздвоения возникнут новые факты: таким образом, история человечества есть не что иное, как вечное распознавание концепций ума.

3) Не только интерес к капиталу заставляет работника наслаждаться своими произведениями и обеспечивает его сбережения; но, и это самый замечательный эффект этого интереса, вознаграждая производителя, он заставляет его работать непрестанно и

никогда не останавливаться.

Если предприниматель является капиталистом в отношении самого себя, то может случиться так, что он будет достаточно доволен всей прибылью, чтобы снять проценты со своих фондов: но тогда, несомненно, его производство перестанет развиваться, поскольку потерпит недостачу. Это то, что мы получаем, когда капиталист не является одновременно предпринимателем: поскольку тогда при вычете процента прибыль для производителя становится абсолютно нулевой, его производство становится для него постоянной опасностью, из которой для него становится важным освободиться в ближайшее время. Поскольку благосостояние должно развиваться для общества в бесконечной прогрессии, так же закон производителя заключается в том, что он постоянно реализует излишки: без этого его существование ненадежно, однообразно, утомительно. Поэтому интерес капиталиста к производителю подобен хлысту колонизатора, который звенит над головой спящего раба; это голос прогресса, который кричит: марш, марш! работай, работай! Судьба человека ведет его к счастью, поэтому она запрещает ему отдыхать.

4) Наконец, денежный интерес является условием движения капитала и основным агентом промышленной солидарности. Этот аспект был понят всеми экономистами; и мы будем иметь дело с ним особым образом, заботясь о кредите.

Я доказал, и я думаю, что лучше, чем это было сделано до сих пор:

Что монополия необходима, так как она является антагонистом конкуренции;

Что она является сутью общества, так как без нее оно никогда не оставило бы первобытных лесов, и что без нее оно бы быстро регрессировало;

Наконец, что она является венцом производителя, поскольку либо чистой прибылью, либо процентами капитала, которые она отдает производству, она приносит монополисту увеличение благосостояния, которого заслуживают его предусмотрительность и усилия.

Так будем ли мы славить вместе с экономистами и освящать монополию на благо имущих консерваторов? Я хочу этого, при условии, что, поскольку я сделал их правыми в вышеизложенном, они, в свою очередь, будут правы в отношении того, что будет дальше.

§ II. Катастрофы в труде и извращения идей, вызванные монополией

Как и конкуренция, монополия подразумевает противоречие в термине и в определении. В самом деле, поскольку потребление и производство вещи в обществе идентичные, а продажа означает покупку, что говорит о привилегии продажи или использования, необходимо говорить о привилегии потребления и покупки, что приводит к отрицанию того и другого. Отсюда запрет на потребление, а также на производство, выраженный монополией против наемных работников. Конкуренция была гражданской войной, монополия — расправа над пленными.

Эти различные предложения объединяют все виды очевидного, физического, алгебраического и метафизического. То, что я добавлю, будет лишь усиленной экспозицией: их демонстрирует только их утверждение.

Любое общество, рассматриваемое в его экономических отношениях, естественно делится на капиталистов и рабочих, предпринимателей и наемных работников, распределенных по шкале, градусы которой обозначают доход каждого, независимо от того, состоит ли этот доход из заработной платы, прибыли, процентов, ренты или аренды.

Из этого иерархического распределения людей и доходов следует, что принцип Сэя, сообщенный ранее, что *В государстве чистая прибыль равна валовой прибыли*, уже не является истинным, поскольку в качестве эффекта монополии цифра *цен продаж* намного превосходит цифру *себестоимости*. Значит, поскольку наряду с этим себестоимость должна оправдывать цену продажи, из того, что нация фактически не имеет другого решения, кроме самой себя, следует, что обмен, в результате которого происходит движение и жизнь, невозможен.

«Во Франции 20 миллионов рабочих, распределенных по всем отраслям науки, искусства и промышленности, производят все, что необходимо для жизни человека. Сумма их заработных плат равна, предположительно, 20 миллиардам: но из-за прибыли (чистой прибыли и процентов), причитающейся монополистам, сумма выручки должна достигать 25 миллиардов. Значит, поскольку у нации нет других покупателей, кроме своих наемных и оплачиваемых работников, которые не платят никому другому, а цена продажи товара одинакова для всех, ясно, что для того, чтобы сделать обращение возможным, рабочий должен заплатить пять несмотря на то, что он получил только четыре». (*Что такое собственность?* Гл. IV.)

Вот что делает богатство и бедность коррелятивными, нераз делимыми не только по идее, но и по факту; вот что заставляет их существовать в конкуренции друг с другом, и что дает право наемному работнику делать вид, что богатый не владеет ничем большим, чем бедняк, чем этот последний не разочарован. После того, как монополия сделала свой подсчет дохода, прибыли и процентов, работник-потребитель сделал свой; и получается, что, пообещав ему зарплату, представленную в трудовом договоре сотней, ему фактически дали только семьдесят пять. Таким образом, монополия провоцирует банкротство своих наемных работников, и совершенно точно, что она жива своим грабежом.

Последние шесть лет я поднимал вопрос об этом пугающем противоречии: почему оно не звучало в прессе? почему мастера известности не оповещают публику? почему те, кто взывают к необходимости предоставления политических прав рабочего, не сказали ему, что его грабят? почему молчали экономисты? почему?

Наша революционная демократия не шумит только потому, что боится революций: но, скрывая опасность, поскольку она не осмеливается смотреть ей в лицо, она лишь приумножает ее. «Мы похожи, — говорит г-н Бланки, — на машинистов, которые увеличивают дозу пара, одновременно закрывая клапаны». Жертвы монополии, утешьтесь! Если ваши палачи не хотят вас услышать, то Провидение их накажет: *non audierunt*, — говорит Библия, — *quia Deus volebat occidere eos* (не слышали, потому что Бог хотел уничтожить их).

Продажа не может соответствовать условиям монополии, возникает загромождение товаров; труд произвел за год то, что зарплата позволяет ему потреблять только за пятнадцать месяцев: значит, ему придется пробыть четверть года без работы. Но, если он не работает, он ничего не зарабатывает: как он тогда что-нибудь купит? И если монополист не может отказаться от своей продукции, как будет существовать его бизнес? Логическая невозможность множится вокруг цеха; факты, которые ее переводят, повсюду.

«Трикотажники Англии, — говорит Эжен Бюре, — пришли к тому, что не едят в течение одного дня из двух. Это состояние продолжалось восемнадцать месяцев». — И он приводит множество подобных случаев.

Но что огорчает в зрелище последствий монополии — видеть, как несчастные рабочие обвиняют друг друга в своей нищете и воображают, что, объединяясь и опираясь друг на друга, они предотвратят сокращение заработной платы. «Ирландцы, — говорит один из наблюдателей, — дали ужасный урок рабочим классам Великобритании... Они открыли нашим рабочим роковую тайну того, как ограничивать свои потребности содержанием только животной жизни и довольствоваться, подобно дикарям, минимумом средств к существованию, которых достаточно для продления жизни... Руководствуясь этим роковым примером, частично уступая необходимости, рабочие классы утратили эту похвальную гордость, которая заставляла их правильно обставлять свои дома и приумножать вокруг себя приличествующие удобства, которые способствуют счастью».

Я никогда не читал ничего более печального и глупого. И что вы хотели, чтобы они сделали, эти рабочие? Пришли ирландцы: они должны быть убиты? Заработная плата была уменьшена: отказаться от нее и умереть? Необходимость заставила, сами же говорите.

Затем последовали бесконечные заседания, болезни, уродства, дегенерация, отупение и все признаки промышленного рабства: все эти бедствия родились от монополии и ее печальных предшественников, конкуренции, машин и разделения труда: а вы обвиняете ирландцев!

В иных случаях рабочие обвиняют плохую судьбу и призывают к терпению: это аналог благодарности, которую они обращают к Провидению, когда работы предостаточно, а зарплата удовлетворительная.

Я нахожу в статье, опубликованной г-м Леоном Фоше в «Журнале экономистов» (сентябрь 1845 г.), что в течение некоторого времени английские рабочие утратили привычку к коалиции, что, безусловно, прогресс, с которым можно только поздравить их; но что это улучшение в моральном состоянии рабочих происходит главным образом от их экономического образования. «Не от промышленников, — кричал на митинге в Болтоне рабочий-прядильщик, — зависит заработная плата. Во времена депрессии хозяева — это, так сказать, только кнут, которым вооружается необходимость; и нравится им это или нет, нужно, чтобы они им ударили. Принцип регулирования — соотношение спроса и предложения; и у хозяев нет такой власти... Действуем, следовательно, осторожно; постараемся мириться с неудачей и пользоваться добром: Поддерживая прогресс нашей промышленности, мы будем полезны не только себе, но и всей стране» (аплодисменты).

В добрый час: вот хорошо вымуштрованные рабочие, модельные рабочие. Что за люди, эти прядильщики, которые подчиняются, не жалуясь на *кнут необходимости*, потому что регулирующим принципом заработной платы является *спрос и предложение*! Г-н Леон Фоше с очаровательной наивностью добавляет: «Английские рабочие — бесстрашные резонеры. Дайте им ложный принцип, и они математически доведут его до абсурда, не останавливаясь и не пугаясь, как если бы они шли к торжеству истины». Надеюсь, что, несмотря на все усилия экономической пропаганды, французские рабочие никогда не будут рассуждать в таком духе. *Спрос и предложение*, как и *кнут необходимости*, больше не оказывают влияния на их рассудок. Этой нищеты в Англии не было: она не протиснется в пролив.

Благодаря комбинированному эффекту разделения, машинам, чистой прибыли и процентам монополия расширяет свои завоевания в возрастающей прогрессии; ее развитие охватывают сельское хозяйство так же, как торговлю и промышленность, все виды продукции. Всем известно, что сказал Плиний о земельной монополии, которая определила падение Италии, *latifundia perdidere Italiam* (латифундия погубит Италию). Та же монополия, которая до сих пор обедняет и делает итальянскую деревню непригодной для жизни и которая образует порочный круг, в котором Англия содрогается в конвульсиях; это она, насильственно установленная в продолжение родовой войны, порождает все беды Ирландии и причиняет так много скорби О'Коннелу, бессильному со всем его красноречием, в том, чтобы вести своих сторонников через этот лабиринт. Большие чувства и риторика — худшее лекарство от социальных бед: О'Коннелу было бы легче перевезти Ирландию и ирландцев из Северного моря в Австралийский океан, чем разрушить монополию, которая удушает их дыханием своих утомительных речей. Общие причастия и проповеди больше не будут происходить: если одно лишь религиозное чувство по-прежнему поддерживает моральный дух ирландского народа, то давно пора, чтобы немного этой светской науки, столь презираемой Церковью, пришло на помощь овцам, которых ее посох больше не защищает. Вторжение монополии в торговлю и промышленность слишком хорошо известно, чтобы

собирать доказательства этого: кроме того, что толку спорить, когда результаты говорят так громко?

В описании нищеты рабочих классов Э. Бюре есть нечто фантастическое, что угнетает и ужасает вас. Это сцены, в которые воображение отказывается верить, несмотря на сертификаты и протоколы. Обнаженные супруги, спрятанные на дне пустой ниши, со своими голыми детьми; целые части населения, которые больше не ходят в церковь по воскресеньям, потому что они голые; трупы, хранящиеся по восемь дней без захоронения, потому что нет ни савана, чтобы его завернуть, ни чем оплатить пиво и гробовщика (а епископ получает от 4 до 500,000 ливров ренты [186]); — семьи, сгрудившиеся в сточных канавах, живущие в отделениях со свиньями и гниющие заживо, или живущие в ямах, как альбиносы; по восемь ног на голых досках; и девственница и проститутка, угасающие в одной и той же наготе: повсюду отчаяние, дистрофия, голод, голод!...И эти люди, которые искупают преступления своих хозяев, не бунтуют! Нет, пламенем Немезиды! когда у людей больше нет мести, больше нет Провидения [187].

Массовые истребления монополии еще не воспеты. Наши сочинители рифм, незнакомые с делами этого мира, недрами пролетариата, продолжают направлять к луне свои вздохи *сладогострастия*. Но какой, однако, предмет *медитации* — страдания, порожденные монополией!

Вальтер Скотт говорит:

«В прошлом, много лет назад, у каждого жителя деревни была своя корова и свинья, а вокруг дома — огороженный участок. Там, где сегодня пашет один фермер, когда-то жили тридцать мелких фермеров; так же, как для более богатого человека в одиночку это правда, что из тридцати фермеров прежних времен теперь двадцать девять жалких поденщиков, без применения для своего интеллекта и для своих рук, и из которых больше половины — это слишком много. Единственная полезная функция, которую они выполняют, — это платить, *когда могут*, аренду в размере 60 шиллингов в год, за хижины, в которых они живут».

Современная баллада, которую приводит Э. Бюре, воспевает одиночество монополии:

Прялка в долине молчит:
Семейные чувства окончились.
Над дымом старый дед
Протягивает свои бледные руки;
И пустой очаг
Печален так же, как его сердце.

Отчеты, подготовленные в парламенте, соперничают с романистом и поэтом.

«Жители Гленшейля, в окрестностях долины Дунде, раньше отличались от всех своих соседей превосходством физических качеств. Мужчины были высокими, крепкими, активными и смелыми; женщины — милыми и грациозными. У обоих полов был необычайный вкус к поэзии и музыке. Теперь — увы! Длительное испытание бедностью, длительное

отсутствие достаточного количества пищи, пристойной одежды сильно ухудшило эту расу, которая была удивительно красивой».

Это роковая деградация, о которой мы говорили в двух главах о разделении труда и о машинах. А наши писатели позаботятся о приятных ретроспективах, как будто новость ознаменовала их гениальность! Первый из них, кто рискнул отправиться по этим адским дорогам, вызвал скандал в своей клике! Подлые паразиты, мерзкие торговцы прозой и стихами, все достойные зарплаты Марсия! [188] Ох! если бы ваша пытка длилась столько же времени, сколько мое презрение, вы бы поверили в вечность ада.

Монополия, которая совсем недавно казалась нам столь обоснованной в правовом смысле, тем более несправедлива, поскольку не только делает заработную плату иллюзорной, но и вводит в заблуждение работника в самой оценке этой зарплаты, используя лицом к лицу с ним ложное название, ложное качество.

Г-н де Сисмонди в своих *«Исследованиях по социальной экономике»* где-то отмечает, что, когда банкир дает торговцу банкноты в обмен на его стоимости, то это не он дает кредит торговцу, он получает его, наоборот, от него. «Этот кредит, — добавляет г-н де Сисмонди, — в действительности настолько короток, что торговец едва дает себе время его изучить, если банкир достоин этого, тем более что он первым запрашивает кредит, а не предоставляет его».

Таким образом, по словам г-на де Сисмонди, при выпуске банковских бумаг роли торговца и банкира меняются местами: первый является кредитором, а второй кредитуются.

Нечто подобное происходит между монополистом и работником.

Фактически, именно работники, как и торговец в банке, просят обесценить их работу; по закону именно предприниматель должен обеспечивать их гарантией и безопасностью. Я объяснюсь.

В любой операции любого характера предприниматель не может законно требовать, помимо своей личной работы, ничего, кроме ИДЕИ: что касается ИСПОЛНЕНИЯ, результата соревнования многих рабочих, то это эффект коллективной силы, авторы которой, так же свободные в своих действиях, как их вождь, не могут производить ничего, что возвращалось бы им безвозмездно. Теперь вопрос состоит в том, чтобы знать, эквивалентна ли сумма индивидуальных зарплат, выплачиваемых предпринимателем, коллективному эффекту, о котором я говорю: потому что, если бы это было иначе, аксиома Сэя, *Каждый продукт стоит того, что он стоит*, будет разрушена.

«Говорили, что капиталист оплачивал рабочие дни по спорной цене; следовательно, он им ничего не должен. Чтобы быть точным, следует сказать, что он столько же оплачивал *один день*, в течение которого занимал рабочих, что совсем не одно и то же. Потому что эта огромная сила, которая возникает в результате объединения рабочих, в результате согласованности и гармонии их усилий; это умножение продукта, предусмотренное, что правда, предпринимателем, но осуществленное свободными силами, которым он не заплатил. Двести гренадеров, оперирующих под руководством инженера, за несколько

часов подняли на пьедестал обелиск: неужели мы думаем, что один человек за двести дней справится с этим? Однако, как считает предприниматель, сумма заработной платы в обоих случаях одинакова, поскольку он претендует на выгоду от коллективной силы. Значит, одно из двух: либо присвоение с его стороны, либо ошибка». (*Что такое собственность?* Глава III.)

Чтобы правильно эксплуатировать прялку-дженни потребовались механики, конструкторы, служащие, бригады рабочих и рабочие всех профессий. Во имя своей свободы, своей безопасности, своего будущего и будущего своих детей эти работники, нанимаясь в прядильный цех, должны были сделать запасы: где аккредитивы, которые они выдали предпринимателям? Где гарантии, которые они получили от них? О чем вы! миллионы людей продали свои руки и отчуждали свою свободу, не зная сферы действия договора; они поверили в постоянное трудоустройство и достаточное воздаяние; они своими руками выполнили то, что задумали хозяева; благодаря этому сотрудничеству они стали партнерами в бизнесе: и когда монополия, неспособная или не желающая торговать, приостанавливает свое производство и оставляет эти миллионы рабочих без хлеба, им приказывают смириться. По новым процедурам они потеряли девять дней из десяти своей работы; а в качестве компенсации им предъявляют кнут необходимости, поднятый на них! Поэтому, если они отказываются работать за меньшую зарплату, их уверяют, что они сами себя наказывают. Если они принимают предложенную им цену, они теряют эту благородную гордость, этот вкус к приличным удобствам, которые делают работника счастливым и достойным, и дают ему право на симпатии богатых. Если они собираются вместе, чтобы заставить увеличить свою зарплату, их бросают в тюрьму! Хотя они должны преследовать своих эксплуататоров в суде, именно им суды будут мстить за нападения на свободную торговлю! Жертвы монополии, они будут нести наказание за монополистов! О, человеческая справедливость, глупая куртизанка, до каких пор, скрываясь под одеждами богини, ты будешь пить кровь зарезанного пролетария?

Монополия все захватила: землю, труд и орудия труда, продукты и распределение продуктов. Сама политическая экономия не могла не признать это: «Вы почти всегда находите на своем пути, — говорит г-н Росси, — монополию. Вряд ли найдется продукт, который можно считать чистым и простым результатом труда; таким образом, экономический закон, который соотносит цену с затратами на производство, никогда полностью не реализуется... Это формула, которая глубоко *изменена* в результате вмешательства той или иной монополии, которой подчинены инструменты производства» (*Курсы полит. экон.*, т. I, стр. 143).

Г-н Росси располагает в таких высотах, которые не позволяют придать его языку всю определенность и точность, которые требуются науке, когда речь идет о монополии. То, что он так любезно называет *модификацией экономических формул*, является лишь длительным и одиозным нарушением основных законов труда и обмена. Именно благодаря эффекту монополии в обществе, где чистый продукт, который учитывается в дополнение к валовому продукту, коллективный работник должен выкупить свой собственный продукт по цене, превышающей ту цену, которую стоит на самом деле этот продукт, что является противоречивым и невозможным; нарушен естественный баланс производства и потребления; работник обманут как размером заработной платы, так и правилами: прогресс в благосостоянии превращается для него в непрекращающийся прогресс в нищете: наконец, благодаря монополии все понятия коммутативного правосудия искажены, и социальная

экономика из положительной науки становится настоящей утопией.

Эта пародия на политическую экономию под влиянием монополии является настолько замечательным фактом в истории социальных идей, что мы не можем обойтись без приведения здесь некоторых примеров.

Таким образом, с точки зрения монополии, стоимость больше не является этой синтетической концепцией, которая служит для выражения связи конкретного объекта пользы со всем богатством: для монополии, оценивающей вещи не по отношению к обществу, а по отношению к себе, стоимость теряет свой общественный характер и является не более чем неопределенным, произвольным, эгоистичным, по существу мобильным отношением. Исходя из этого принципа, монополист распространяет квалификацию *продукта* на все виды крепостной зависимости и применяет идею *капитала* ко всем легкомысленным и постыдным отраслям, эксплуатируемым его страстями и пороками. Прелести куртизанки, говорит Сэй, — это *фонд, продукт* которого следует общему *закону стоимостей*, а именно *спросу и предложению*. Большинство трудов по политической экономии полны таких иллюстраций. Но поскольку проституция и прислуживание в доме, от которого она происходит, порицаются моралью, г-н Росси еще раз заметит нам, что политическая экономия, *изменив* свою формулу в результате вмешательства монополии, должна будет подвергнуться ее новому *исправлению*; хотя выводы ее сами по себе безукоризненны. Потому что, говорит он, политическая экономия не имеет ничего общего с моралью: это нам предстоит принять, изменить или исправить формулы, в зависимости от того, что требует наше благо, благо общества и забота о морали. Что-то среднее между политической экономией и правдой!

Точно так же теория чистой выручки, в высшей степени социальная, прогрессивная и консервативная, была, если можно так выразиться, индивидуализирована в свою очередь монополией, а принцип, который должен обеспечить благосостояние рассматриваемого общества, разрушен. Монополист, стремящийся к максимально возможной чистой выручке, больше не выступает в качестве члена общества и в интересах общества; он действует исключительно в своих интересах, независимо от того, противоречит ли этот интерес общественным интересам. Это изменение перспективы является причиной, которую г-н де Сисмонди приписывает депопуляции итальянской деревни. Согласно проведенным им сравнительным исследованиям продукции итальянского *сельского хозяйства*, в зависимости от того, будет ли она выращена или оставлена на пастбище, он обнаружил, что *валовая* выручка в первом случае будет в 12 раз более значительной, чем во втором; но поскольку выращивание требует большего количества рук, он также увидел, что в этом же случае *чистая* выручка будет меньше. Этого расчета, который не миновал внимания собственников, оказалось достаточно, чтобы закрепить их привычку оставлять свои земли необрабатываемыми, а сельскую местность Италии — необитаемой.

«Все части Италии, — добавляет г-н де Сисмонди, — представляют одинаковый контраст между воспоминаниями об их процветании в средние века и их нынешним опустошением. Город Серес, прославленный Ренцо да Сери, который защищал Марсель от Карла V и Женеву от герцога Савойского, воплощение одиночества. Во всех поместьях Орсини и Колонн никого. В лесах, окружающих красивое озеро Вико, человеческая раса исчезла; и солдаты, с которыми суровый префект Вико так часто заставлял Рим дрожать в четырнадцатом веке,

не оставили потомков. Кастро и Рончильоне опустошены...» (*Исследования по пол. экон.*)

На самом деле общество ищет самый большой валовый доход, а значит, и наибольшую возможную численность населения, потому что для него валовый доход и чистый доход идентичны. Монополия, наоборот, постоянно стремится к наибольшему чистому доходу, даже если он был получен только за счет уничтожения человеческого рода.

Под тем же влиянием монополии процент капитала, извращенный в его концепции, в свою очередь стал для общества принципом смерти. Так же, как мы объясняли, процент капитала, с одной стороны, является формой, в которой рабочий пользуется своим чистым доходом, в то же время заставляя его служить новым созиданиям; с другой стороны, этот процент является материальной связью солидарности между производителями с точки зрения увеличения богатств. Согласно первому аспекту, сумма процентов никогда не может превышать сумму самого капитала; в соответствии со второй точкой зрения, проценты в дополнение к возврату включают премию в качестве вознаграждения за оказанную услугу. Но ни в каком случае это положение не будет длиться вечно.

Но монополия, путая понятие капитала, о котором можно сказать только как о творении человеческой промышленности, с понятием эксплуатируемого фонда, который нам дала природа и который принадлежит всем, способствовала, кроме того, ее узурпации посредством анархического состояния общества, в котором владение может существовать только при условии его исключительности, суверенности и вечности; — монополия вообразила, что в принципе это означает, что капитал, подобно земле, животным и растениям, сам по себе имеет специфическую деятельность, которая освобождает капиталиста от внесения чего-то еще для обмена и от того, чтобы принимать участие в работе цеха. Из этой ложной идеи монополии произошло греческое название ростовщичества — *tokos*, как сказал бы маленький или растущий капитал; что позволило Аристотелю сформировать этот каламбур — *деньги не делают малых*. Но метафора ростовщиков превзошла шутку Стагирита [189]; ростовщичество, подобно ренте, которому оно подражает, объявлено бессрочным; и только очень поздно, вернувшись к принципу наполовину, оно воспроизвело идею *амортизации*...

В этом смысл этой загадки, которая вызвала столько скандалов среди богословов и юристов, и по которой христианская церковь дважды блуждала, первый раз осуждая всякие корысти, второй — подчиняясь настроениям экономистов и тем самым опровергая свои прежние максимы. Ростовщичество, или право на блага, является одновременно выражением и осуждением монополии; это организованное и узаконенное ограбление труда капиталом; это то из всех экономических ниспровержений, которое наиболее рьяно обвиняет старое общество, и чья скандальная настойчивость оправдывает внезапное и без компенсации лишение собственности весь класс капиталистов.

Наконец, монополия, посредством своего рода инстинкта самосохранения, трансформировалась к идее ассоциации, которая может противоречить ей, или, лучше сказать, она не позволяет ей родиться.

Кто сегодня может обольщаться, что нашел определение того, каким должно быть общество между людьми? Закон различает два вида и четыре разновидности гражданских

обществ, как и коммерческих обществ, от простых до анонимных. Я прочитал самые уважаемые комментарии, которые были написаны по всем этим формам объединения, и я заявляю, что я нашел лишь применение процедур монополии между двумя или более союзниками, которые соединяют свои капиталы и усилия против всех, кто производит и потребляет, кто изобретает и кто обменивается, кто живет и умирает. Условием *sine quâ non* (непременным) всех этих обществ является капитал, присутствие которого само по себе создает их и дает им основу; их объектом является монополия, то есть исключение всех других рабочих и капиталистов, следовательно — отрицание социальной универсальности в отношении людей.

Таким образом, в соответствии с определением Кодекса, коммерческое общество, которое бы возвело в принцип возможность для любого иностранца быть ее членом по его простому запросу и немедленно воспользоваться правами и прерогативами партнеров, даже менеджеров, перестанет быть таким обществом; суды автоматически объявят о его роспуске, прекращении его существования. Кроме того, акт такого общества, которым договаривающиеся стороны не предусматривают какого-либо взноса, и который, оставляя за каждым явное право конкурировать со всеми, ограничивается тем, что гарантирует для них работу и заработную плату, не обсуждая ни специализацию производства, ни капитал, ни проценты, ни прибыли и убытки: такой акт может показаться противоречивым по своему содержанию, лишенным как цели, так и смысла, и будет, по жалобе первого невосприимчивого партнера, отменен судьей. Разработанные таким образом соглашения не могут привести к каким-либо юридическим следствиям: люди, которые утверждают, что связаны со всеми, будут рассматриваться как никто; записи, в которых говорилось бы одновременно о гарантии и конкуренции между партнерами, без какого-либо упоминания о социальном фонде и без указания объекта, свелись к трансцендентальному шарлатанству, автора которого вполне можно было бы отправить в Бисетр [190], предполагая, что должностные лица сочтут такого человека сумасшедшим.

И тем не менее было доказано всем, что история и социальная экономика считают достоверным, что человечество было брошено голым и лишенным капитала на земле, которую оно эксплуатирует; следовательно, именно она создала и создает все богатство каждый день; что монополия является лишь относительным представлением, используемым для определения степени работника с определенными условиями пользования, и что весь прогресс состоит в бесконечном умножении продуктов, в определении их пропорциональности, то есть в организации работы и благосостояния через разделение (труда), механизмы, цеха, образование и конкуренцию. Самое тщательное изучение явлений не предоставит ничего более. С другой стороны, очевидно, что все устремления человечества и в его политике, и в его гражданских законах направлены на универсализацию, то есть на полное преобразование идеи общества, как определяют наши кодексы.

Из чего я заключаю, что акт общества, который больше не будет регулировать вклад партнеров, поскольку каждый участник, согласно экономической теории, не должен иметь абсолютно ничего при вступлении в общество, кроме условий работы и обмена, и который обеспечил бы доступ всем, кто представляет сам себя; я заключаю, говорю я, что такой акт общества был бы не каким иным, как рациональным и научным, поскольку он был бы выражением самого прогресса, органической формулой труда, поскольку он, так сказать,

открыл бы человечество самому себе, предоставляя ему рудимент его основания.

Теперь, кто из юристов и экономистов когда-либо подходил к этой великолепной, но такой простой идее ближе, чем на тысячу миль? «Я не думаю, — говорит г-н Троплонь, — что дух ассоциации призван к большим достижениям, чем те, которых он достиг в прошлом и по сей день...; и я признаю, что я не пытался воплотить в жизнь такие надежды, которые я считаю преувеличенными... Есть только ограничения, которые ассоциация не должна пересекать. Нет! Ассоциация призвана во Франции не для того, чтобы управлять всем. Стихийный импульс индивидуального духа также является живой силой нашего народа и причиной его самобытности... / Идея ассоциации (объединения) не нова... Уже у римлян мы видим появление коммерческого общества со всей его атрибутикой из монополий, захватов, сговоров, коалиций, пиратства и продажности... Заказ исполняет гражданское, торговое и морское право средневековья: в то время это был самый активный инструмент труда, организованного в обществе... С середины четырнадцатого века начали возникать акционерные общества; и вплоть до провала Law (закона, англ.) было видно, что они постоянно увеличивались... Как? мы поражаемся тому, что акционируются шахты, фабрики, патенты, газеты! Но уже два столетия, как акционируются острова, королевства, почти целое полушарие. Мы вопием о чуде, потому что сотни вкладчиков собираются вокруг предприятия: но уже в четырнадцатом веке весь город Флоренция был акционирован несколькими торговцами, которые продвинули деятельность своих компаний насколько возможно. — Затем, если наши операции оказались неудачными, если мы были бесшабашными, расточительными или легковверными, мы мучаем законодателя изнуряющими жалобами: мы требуем от него за претов, обнулений (сделок). С нашей манией все регулировать, *даже то, что уже кодифицировано*; связывать все с пересмотренными, исправленными и дополненными текстами; управлять всем, даже возможностями и неудачами в торговле, мы пишем, находясь среди множества существующих законов: есть чем заняться!...»

Г-н Троплонь верит в Провидение, но, конечно, он сам — не его человек. Он не тот, кто найдет формулу ассоциации, которую требуют сегодня умы, с отвращением относясь ко всем протоколам объединений и ограблений, которые г-н Троплонь свел в таблицу в своем комментарии. Г-н Троплонь сердится, и небеспричинно, на тех, кто хочет все связать в текстах законов; и он сам претендует на то, чтобы заковать будущее в пятидесяти статьях, где самая мудрая причина не обнаружит ни искры экономической науки, ни тени философии. *С нашей манией*, — восклицает он, — *все регулировать, ДАЖЕ ТО, ЧТО УЖЕ КОДИФИЦИРОВАНО!*... Я не знаю ничего более восхитительного, чем это заявление, которое делает одновременно правовед и экономист. После кодекса Наполеона, потяните лестницу!...

«К счастью, — продолжает г-н Троплонь, — все проекты перемен, обсуждавшиеся в 1837 и 1838 гг. с таким шумом, теперь забыты. Конфликт предложений и анархия реформистских мнений дали отрицательные результаты. В то время как реакция выступала против агитаторов (за перемены), здравый смысл сделал справедливость многих официальных планов реорганизации гораздо менее мудрой, чем существующий закон, намного менее гармоничными с правилами коммерции, гораздо менее либеральными после 1830 г., чем концепции имперского государственного совета! Теперь все вернулось к порядку, и Коммерческий кодекс сохранил свою целостность, свою превосходную целостность. Когда

коммерция в том нуждается, наряду с коллективным обществом находится совместное предприятие, общество с ограниченной ответственностью, открытое акционерное общество, сдерживаемые только благоразумием участников и статьями Уголовного кодекса о мошенничестве» (Тропль, *Гражданские и коммерческие общества*, предисловие).

Какая философия, радующаяся тому, что попытки реформ прерываются, и засчитывающая в победы отрицательные результаты изысканий! На данном этапе мы не можем углубляться в критику гражданского и коммерческого обществ, которые снабдили г-на Тропль материалом для двух томов. Мы оставим эту тему на время, когда теория экономических противоречий будет завершена, и мы найдем в их общем уравнении программу объединения, которую мы опубликуем в связи с практикой и концепциями наших древних.

Только одно слово о командитных товариществах (акционерных обществах).

На первый взгляд, можно подумать, что акционирование, благодаря своей обширной силе и простоте изменений, которые оно из себя представляет, может быть обобщено так, чтобы охватить всю нацию во всех ее коммерческих и промышленных отношениях. Но самый беглый анализ образования такого общества очень быстро показывает, что вид расширения, которому она подвержена, что касается числа акционеров, не имеет ничего общего с расширением социальных связей.

Во-первых, командитное товарищество (товарищество на вере [191]), как и все другие коммерческие компании, обязательно ограничивается одним родом деятельности: в этом отношении оно исключает все отрасли, чуждые своей собственной. Если бы это было иначе, акционирование изменилось бы по своей природе: это была бы новая форма компании, устав которой больше не был бы связан конкретно с прибылью, но с распределением работы и условиями обмена; это было бы именно объединением — таким, какое отрицает г-н Тропль, и которое исключает юриспруденция монополии. Что касается персонала, который составляет командитное товарищество, он, естественно, подразделяется на две категории: управляющие [192] и акционеры. Управляющие, в очень небольших количествах, выбираются из промоутеров, организаторов и руководителей предприятия: честно говоря, они — единственные партнеры. Акционерами, в сравнении с этим небольшим правительством, которое полновластно управляет компанией, являются все те, кто внесли свой вклад, которые, будучи не знакомы друг с другом, не располагая влиянием и при отсутствии ответственности, участвуют в деле только своими вкладами. Это премиальные кредиторы, но не партнеры [193].

Из этого следует, что все отрасли в королевстве могут эксплуатироваться командитными товариществами, и любой гражданин, благодаря тому, что может легко увеличить свои акции, проявлять интерес в целом или большинству своих акционеров, без того, чтобы его состояние улучшилось: это может становиться все более и более рискованным. Потому что, опять же, акционер — это бремя, используемый товариществом материал: товарищество создавалось не для него. Чтобы объединение стало реальным, нужно, чтобы тот, кто в него входит, обладал бы качествами не игрока, но предпринимателя; имел бы совещательный голос в совете; чтобы его имя существовало в социальном плане; что все, наконец, будет решено в отношении него на равной основе [194]. Но это именно те условия организации труда, которые не вошли в положения Кодекса; они образуют ПОСЛЕДУЮЩИЙ объект

политической экономии, следовательно, они не должны предполагаться, но должны быть созданы и как таковые быть в корне несовместимыми с монополией.

Социализм, несмотря на пышность своего названия, до сего момента был удачлив не более, чем монополия в определении общества: можно так же сказать, что во всех своих организационных планах он постоянно проявлял себя в этом отношении в качестве плагиатора политической экономии. Г-н Блан, которого я уже цитировал в связи с конкуренцией и которого мы, шаг за шагом, наблюдали в качестве сторонника иерархического принципа, неофициального защитника неравенства, проповедующего коммунизм, одним росчерком пера отрицающего закон противоречия, потому что он не понимает его, использующего прежде всего власть как конечный довод своей системы, г-н Блан снова представляет нам любопытный пример социалиста, копирующего, не подозревая об этом, политическую экономию, постоянно крутящегося в порочном кругу процедур собственности. По сути, г-н Блан отрицает преобладание капитала; он также отрицает, что капитал равен труду в производстве, в чем он согласуется с обоснованными экономическими теориями. Но он не может или не знает, как обойтись без капитала, он использует капитал в качестве отправной точки, он призывает к государственному акционированию, — это означает, что он становится на колени перед капиталистами, и что он признает суверенитет монополии. Отсюда странные искажения его диалектики. Я прошу читателя простить меня за представление таких вековечных личностей: но, поскольку социализм, также, как политическая экономия, воплотились в определенном количестве авторов, мне не остается ничего другого, как цитировать этих авторов.

«Капитал, — говорил *Фаланж*, — как сущность, способствующая производству, обладает или не обладает легитимностью других продуктивных способностей? Если он незаконно претендует на долю в производстве, нужно его исключить, он не заинтересован в получении; если, наоборот, он является законным, его нельзя законно исключать из распределения прибылей, в увеличение которых он внес свой вклад».

Вопрос не мог быть задан более четко. Г-н Блан, напротив, считает, что он был задан в очень запутанной манере, что означает, что это очень смущает его, и он очень мучается, чтобы найти смысл.

Во-первых, он предполагает, что его спрашивают, «справедливо ли предоставлять капиталисту в прибыли производства *долю, равную доле рабочего?*» На что господин Блан без колебаний отвечает, что это будет несправедливо. Движение красноречия заставляет установить эту несправедливость.

Значит, фаланстерианец не спрашивает, должна ли доля капиталиста быть *равной доле рабочего* или нет; он только хочет знать — *будет ли у него доля?* И это то, на что господин Блан не отвечает.

Означает ли это, — продолжает г-н Блан, — что капитал *необходим*, как и сам труд, для производства? — Здесь г-н Блан делает различие: он признает, что капитал необходим как труд, но не *настолько, как труд*.

Еще раз, фаланстерианец не оспаривает количество, но закон. Слышим ли мы, — снова

спрашивает г-н Блан, — что все капиталисты не бездельники? Г-н Блан, великодушный по отношению к капиталистам, которые работают, спрашивает, почему делают такой большой часть, причитающуюся тем, кто не работает? Тирада красноречия о *безличных* услугах капиталиста и *личных* услугах рабочего закончилась напоминанием о Провидении.

В третий раз вас спрашивают — является ли участие капитала в прибылях законным, раз вы признаете, что это необходимо для производства.

Наконец г-н Блан, который, однако, понял, решается ответить, что если он и соглашается с процентами для капитала, то лишь в качестве переходной меры и для того, чтобы смягчить капиталистам склон, с которого им приходится спускаться. Более того, его проект, делающий поглощение частного капитала в ассоциации неизбежным, приведет к безумию и отказу от принципов. Г-н Блан, если бы он изучал свой предмет, должен был бы ответить только одно: Я отрицаю капитал.

Таким образом, г-н Блан, и я подразумеваю под его именем весь социализм, после того, как в первом противоречии в названии его книги ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА, объявил, что капитал *необходим* для производства, и, следовательно, он должен быть организован и участвовать в прибылях так же, как труд, отвергает, в качестве второго противоречия, капитал организации и отказывается признать его; — третьим противоречием он — тот, кто высмеивает декорации и дворянские титулы, он раздает гражданские короны, награды и отличия заслуженным отечественным литераторам, изобретателям и художникам; он назначает им жалованье в соответствии с их степенями и рангами: все вещи, которые представляют собой реальное восстановление капитала, но не с той же математической точностью, как проценты и чистый доход; — четвертым противоречием г-н Блан учреждает эту новую аристократию на принципе равенства, — то есть он притворяется, что голосами хозяев голосуют равные и свободные соратники, — на привилегии праздности для рабочих, ограбления ограбленных; — пятым противоречием он устраивает эту эгалитарную аристократию покоиться на базе власти, наделенной огромной силой, то есть на деспотии, другой формы монополии; — шестым противоречием после того, как он своими поощрениями искусства и труда пытался соразмерять вознаграждение за службу, как монополия, зарплату в объеме, как у монополии, он принимается восхвалять совместную (в коммуне) жизнь, труд и потребление, что не мешает ему с помощью национальных поощрений, взятых из общественного продукта, избежать последствий общего безразличия серьезных и значительных писателей, о которых не беспокоится сообщество читателей; — седьмым противоречием... Но остановимся на седьмом, потому что иначе мы бы не закончили и на семьдесят седьмом.

Говорят, что г-н Блан, который в настоящее время готовит историю французской революции, принялся серьезно изучать политическую экономию. Я не сомневаюсь, что первым плодом этого исследования должно стать то, что ему придется отречься от своего памфлета об *Организации труда* и следующим — ре формировать все свои идеи относительно власти и управления. Такой ценой *История французской революции* авторства г-на Блана станет действительно полезным и оригинальным произведением.

Все без исключения социалистические секты обладают одинаковыми предубеждениями; все безотчетно, вдохновленные экономическим противоречием, признаются в бессилии перед

необходимостью капитала; все ожидают для реализации своих идей обретения в руках власти и капитала. Утопии социализма в отношении ассоциации более чем когда-либо выявляют правду о том, о чем мы говорили в начале: *в социализме нет ничего такого, чего не было бы в политической экономии*, и этот вечный плагиат является бесповоротным осуждением обоих. Не заметно, чтобы где-то забрезжила эта материнская идея, которая так ярко выделяется из поколения экономических категорий: то, что высшая формула ассоциации не имеет ничего общего с капиталом, который является объектом счетов частных лиц; но что она должна быть связана исключительно с балансом производства, условиями обмена, постепенным снижением себестоимости, единственным источником прогресса богатства (благополучия). Вместо того, чтобы определять отношения отрасли к отрасли, рабочего к рабочему, провинции к провинции и народа к народу, социалисты думают только о том, чтобы обеспечить себя капиталом, озабочиваясь проблемой солидарности трудящихся, как если бы речь шла об основании новой монополии. Мир, человечество, капитал, промышленность, деловая практика существуют: вопрос только в поиске их философии, иными словами в том, чтобы организовать их: а социалисты ищут капиталы! Что же удивительного в том, что им не хватает реальности?

Итак, г-н Блан требует финансовой помощи государства и создания национальных цехов; таким же образом Фурье требовал шесть миллионов, и его школа до сих пор занята сбором этой суммы; так же коммунисты надеются на революцию, которая даст им власть и сокровища, изнемогая в ожидании бесполезных подписок [195]. Капитал и власть, второстепенные органы общества, — боги, которым поклоняется социализм: если бы капитал и власть не существовали, он бы их изобрел. Социализм, озабоченный властью и капиталом, полностью игнорирует смысл собственных протестов: более того, он не осознает, что, занимаясь этим, так же, как экономической рутинной, он лишается даже права на протест. Он обвиняет общество в антагонизме, и именно таким же антагонизмом он проводит реформу. Он требует капитала для бедных рабочих, как будто нищета рабочих не происходит из-за конкуренции капитала между ними, а также из искусственного противостояния труда и капитала; как если бы сегодня вопрос не был бы точно таким, каким он был до создания капитала, то есть снова и снова вопрос баланса; как если бы, наконец, давайте повторять это постоянно, повторять до пресыщения, если бы отныне речь шла о чем-то другом, кроме как о синтезе всех принципов, создаваемых цивилизацией, и как если бы этот синтез, если бы идея, которая ведет мир, была известна, но нужно было бы вмешательство капитала и государства, чтобы сделать это очевидным.

Социализм, пренебрегая критикой, чтобы отдалиться декламации и утопии, смешавшись с политической и религиозной интригой, предал свою миссию и не принял во внимание характер века. Революция 1830 г. деморализовала нас, социализм нас изнежил. Как и политическая экономия, противоречия которой он только перефразирует, социализм бессилен удовлетворить умственным движениям: среди тех, кого он подчиняет, он лишь новый предрассудок, который нужно разрушить, а среди тех, кто пропагандирует его, — шарлатанство, требующее разоблачения, тем более опасное, чем более близкое.